

ляры отъ 80 — 100 фут. вышиною, при діаметрѣ ствола въ 3 или даже 4 фута на высотѣ груди человѣка. Почва еловыхъ лѣсовъ перегнойная, обыкновенно поросшая мхомъ, который весною до того здѣсь высыхаетъ, что подъ ногами разсыпается пылью. Подлѣсокъ состоитъ изъ густыхъ кустарныхъ зарослей, еще болѣе преобладающихъ въ нижнемъ теченіи той же р. Уму, гдѣ хвойныя лѣса исчезаютъ; замѣнъ ихъ являются, все по тѣмъ же крутымъ скатамъ сѣвернаго склона ущелья, небольшія році изъ осины (*Populus tremula*), *бѣлой и гималайской березы* (*Betula alba*, *B. Bhojpattra*). Птицы въ лѣсахъ на р. Уму были тѣ же самыя, что на Бага-горги и возлѣ Джаханъ-фидза. Прибавились только вновь прилетѣвшія *вертишейки* (*Junx torquilla*); добытъ былъ впервые *клестъ еловикъ* (*Loxia curvirostra*) и новый видъ *поползня*, который названъ мною *Sitta Ekloni*.

Охота въ лѣсахъ Уму, какъ и во всѣхъ другихъ на верхней Хуанъ-хэ, весьма затруднительна, въ особенности за мелкими птичками. Маленькаго пѣвуна часто вовсе нельзя замѣтить въ густыхъ сучьяхъ громадной ели, или въ чащѣ кустарниковъ, когда на нихъ развернутся листья. Тогда даже медвѣдя не увидишь здѣсь на разстояніи десяти-двадцати шаговъ, какъ то иногда и случалось съ нами. При томъ многія изъ убитыхъ птичекъ пропадають, застрѣвая въ вѣтвяхъ высокихъ деревьевъ, или сваливаясь въ гуцу кустарниковъ, или, наконецъ, падая въ недоступныя пропасти, куда, не одинъ разъ, безвозвратно скатывались и убиваемые нами ушастые фазаны.

Недостатокъ подножнаго корма принудилъ меня, на третій день нашего пребыванія на р. Уму, послать разѣздъ отыскать стоянку получше. Но таковой по близости не оказалось; вся степь до-чиста была выбита тангутскимъ скотомъ. Тогда отправленъ былъ новый разѣздъ и ему велѣно ѣхать возможно дальше. Сами же мы остались на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ наши мулы, лишенные своего любимаго гороха и даже сноснаго подножнаго корма, видимо худѣли съ каждымъ днемъ. При томъ, животныя эти, непривычныя къ суровымъ климатическимъ условіямъ и вообще къ походной жизни, послѣ первыхъ дней пути отъ Балекунъ-Гоми стали понемногу слабѣть и портиться, не смотря на то, что вьюки, по мѣрѣ расходованія нашей провизіи и запаснаго гороха для тѣхъ же муловъ, становились все легче и легче. Въ особенности невыносимыми оказались жеребцы, столь ретивые и неутомные при избалованной жизни. Не знаю почему, но эти жеребцы-мулы, мѣсяць тому назадъ ни днемъ, ни ночью недававшіе прохода кобыламъ, теперъ же бродившіе по степи съ поникшею головою и со-